

ФИНАНСЫ/FINANCE

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.41> EDN: UWCPDE**«КРЕКИНГ» ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЫ: КАК БАНКОВСКИЙ СЕКТОР НАЖИВАЕТСЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ**

Научная статья

Фейзуллаев М.А.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0003-0141-6350;¹ Сургутский государственный университет, Сургут, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (feyzullaev[at]bk.ru)

Предложена: 23.04.2026; Принята: 25.06.2026; Опубликовано: 17.07.2026

Аннотация

В статье исследуется феномен «крекинга» производственной сферы российской экономики в условиях сверхвысоких кредитных ставок 2024–2025 гг. Проведен анализ динамики объема и стоимости кредитования производственного сектора за 2022–2025 гг., выполнено сопоставление ключевой ставки Банка России с аналогичными показателями стран БРИКС и развитых экономик. На основе статистических данных Росстата и Банка России оценена реальная инфляция и средняя рентабельность производственного сектора, выявлен критический разрыв между стоимостью заемного финансирования и доходностью предприятий. Проанализировано влияние высоких ставок на инвестиционную активность через эффект финансового рычага. Рассмотрена роль бюджетной политики и заимствований через ОФЗ в абсорбировании свободной ликвидности. Представлен прогноз развития производственного сектора и ВВП при сохранении текущей жесткой денежно-кредитной политики, предложены рекомендации по ее корректировке.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, ключевая ставка, производственный сектор, кредитование, рентабельность, финансовый рычаг, инвестиционная активность, ОФЗ, инфляция, экономический рост.

"CRACKING" IN THE MANUFACTURING SECTOR: HOW THE BANKING SECTOR PROFITS FROM ENTERPRISES IN THE REAL SECTOR OF THE ECONOMY

Research article

Feizullaev M.A.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0003-0141-6350;¹ Surgut State University, Surgut, Russian Federation

* Corresponding author (feyzullaev[at]bk.ru)

Suggested: 23.04.2026; Accepted: 25.06.2026; Published: 17.07.2026

Abstract

This article examines the phenomenon of "cracking" in the Russian manufacturing sector amid the extremely high interest rates of 2024–2025. The article analyzes the dynamics of the volume and cost of lending to the manufacturing sector for 2022–2025 and compares the Bank of Russia's key rate with similar indicators in BRICS countries and developed economies. Using statistical data from Rosstat and the Bank of Russia, real inflation and average profitability in the manufacturing sector are estimated, revealing a critical gap between the cost of debt financing and enterprise profitability. The impact of high interest rates on investment activity through financial leverage is analyzed. The role of fiscal policy and OFZ borrowing in absorbing available liquidity is examined. A forecast for the development of the manufacturing sector and GDP under the current tight monetary policy is presented, along with recommendations for its adjustment.

Keywords: monetary policy, key rate, manufacturing sector, lending, profitability, financial leverage, investment activity, OFZs, inflation, economic growth.

Введение

Трансформация российской экономики в условиях санкционного давления и структурной перестройки потребовала от денежных властей поиска баланса между сдерживанием инфляции и поддержанием инвестиционной активности. Проводимая Банком России с середины 2023 года жесткая денежно-кредитная политика, выразившаяся в повышении ключевой ставки до исторического максимума в 21% (декабрь 2024 г.), породила острый конфликт интересов между финансовым и реальным секторами [8].

Термин «крекинг» (от англ. cracking — расщепление) заимствован из нефтепереработки, где он означает процесс расщепления тяжелых углеводородов на более легкие фракции. В контексте настоящего исследования под «крекингом» производственной сферы понимается процесс расщепления единого воспроизводственного контура экономики, при котором финансовый сектор, выполняя функцию перераспределения ресурсов, начинает действовать вопреки интересам реального производства, извлекая сверхдоходы из высоких процентных ставок и провоцируя деградацию производственного потенциала.

Актуальность темы обусловлена беспрецедентным разрывом между стоимостью кредитных ресурсов и рентабельностью предприятий обрабатывающей промышленности, сложившимся в 2024–2025 гг. Цель настоящей

статьи — количественно оценить масштабы этого разрыва, проанализировать его макроэкономические последствия и предложить меры по гармонизации денежно-кредитной и промышленной политики.

Эволюция ключевой ставки Банка России. Ключевая ставка Банка России в 2022–2026 гг. демонстрировала экстремальную волатильность, отражающую турбулентность макроэкономической ситуации. В феврале 2022 года ставка была экстренно повышена до 20%, после чего последовал цикл снижения до 7,5% к сентябрю 2022 года. С августа 2023 года регулятор перешел к ужесточению политики, доведя ставку до 16% к концу 2023 года. Кульминацией цикла стало повышение до 21% в декабре 2024 года [8].

Согласно макроэкономическому опросу Банка России, фактическая средняя ключевая ставка составила: 2023 г. — 9,9%, 2024 г. — 17,5%, 2025 г. — 19,2% [2]. Таким образом, в течение 24 месяцев экономика функционировала в условиях двузначных ставок, достигших пиковых значений в 2024–2025 гг.

Таблица 1 - Динамика ключевой ставки Банка России и кредитных ставок для бизнеса, 2022–2025 гг.

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.41.1>

Год	Ключевая ставка (средняя), %	Средневзвешенная ставка по кредитам нефинансовым организациям, %	Маржа, п.п
2022	10,6	11,2	0,6
2023	9,9	10,8	0,9
2024	17,5	18,9	1,4
2025	19,2	20,7	1,5

Примечание: составлено автором по данным [2]

В статье были применены:

- статистический анализ при анализе динамики ключевой ставки, кредитных ставок, инфляции, рентабельности, инвестиций, ВВП за 2022–2025 гг.;
- сравнительный анализ, при сопоставлении ключевой ставки России с показателями стран БРИКС, США, Еврозоны (табл. 2);
- расчётно-аналитический метод, при расчёте эффекта финансового рычага (формула, численный пример), реальной ключевой ставки, разрыва между ставкой и рентабельностью, также метод финансового моделирования, прогнозный метод.

Основными принципами используемыми в написании статьи являлись принцип системности, принцип научной объективности, принцип критического анализа.

Основные результаты

2.1. Объем и структура кредитования производственного сектора

Несмотря на рекордный рост процентных ставок, кредитный портфель бизнеса продолжал расширяться, хотя и замедляющимися темпами. По данным Банка России, в целом по стране кредитный портфель бизнеса по итогам 2025 г. вырос практически на 12% в годовом выражении [1]. При этом регулятор прогнозирует замедление прироста до 7–12% в 2026 г.

На этом фоне коммерческие банки и околобанковские структуры (лизинговые компании) наживаются на бизнесе за счет сверхвысоких процентных ставок и штрафных санкций. В частности, анализ конкретного договора АО «Тбанк» показал, что банк выдавая кредит представителю малого бизнеса установил 2,5% ежемесячной комиссии от первоначальной суммы кредита. За несвоевременное погашение (просрочку) установлен штраф в размере 1% от первоначальной суммы кредита. То есть, если даже кредит погашен на 90%, в случае просрочки должнику придется выплачивать огромные проценты и штрафы от первоначальной суммы кредита. Такая же ситуация со ставками и штрафными санкциями в лизинговых компаниях. Например, ЛК ВТБ Лизинг в расчетах использует процентную стоимость за кредит в размере 30% годовых, а размер пеней и штрафов за несвоевременное погашение лизингового платежа достигает 182% годовых. В условиях роста неплатежей в экономике и нехватки инвестиционных ресурсов, компаниям, вынужденным работать по таким договорам, приходится не только отдать свою прибыль банкам, но и также рассчитаться собственным оборотным капиталом.

Анализ структуры кредитования показывает, что основными заемщиками выступают предприятия обрабатывающих производств, компании в сфере операций с недвижимостью, торговли и сельского хозяйства, на долю которых приходится почти 80% корпоративного портфеля [1]. Однако качественный состав заемщиков претерпел изменения: крупный бизнес наращивал портфель умеренными темпами (около 7% в 2025 г.), тогда как субъекты МСП демонстрировали более высокую динамику (рост в 1,2 раза), что указывает на вынужденный характер заимствований для поддержания оборотного капитала.

2.2. Международные сопоставления стоимости кредитных ресурсов

Для объективной оценки жесткости денежно-кредитной политики необходимо сопоставить стоимость заимствований в России с другими странами (табл. 2).

Таблица 2 - Ключевые ставки в России, странах БРИКС и развитых экономиках, 2024–2025 гг.

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.41.2>

Страна	2024, %	2025, %
Россия	17,5	19,2
Бразилия	11,75	12,25
Индия	6,5	6,5
Китай	3,45	3,35
ЮАР	8,25	8,0
США	5,25-5,5	5,0-5,25
Еврозона	4,0	3,5
Турция	47	38

Примечание: составлено автором по данным национальных центральных банков

Представленные данные демонстрируют аномально высокий уровень ключевой ставки в России, превышающий ставки развитых стран в 4–5 раз и в 1,5–2 раза — ставки других стран БРИКС. При сохранении паритета покупательной способности такой разрыв не может быть объяснен исключительно различиями в инфляции и указывает на структурные дисбалансы в трансмиссионном механизме денежно-кредитной политики.

2.3. Реальная инфляция и рентабельность производственного сектора

2.3.1. Официальная и реальная инфляция

Согласно данным Росстата и макроэкономического опроса Банка России (табл. 3), инфляция (ИПЦ) в 2022–2025 гг. характеризовалась следующими показателями [2], [6]:

Таблица 3 - Динамика инфляции в России, 2022–2025 гг.

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.41.3>

Показатель	2022, %	2023, %	2024, %	2025, %
ИПЦ, дек. к дек. пред. года	11,9	7,4	9,5	5,6
ИПЦ, % к пред. году (в среднем за год)	13,8	5,9	8,4	8,7

Примечание: составлено автором по данным [2]

Обращает на себя внимание разнонаправленная динамика: при снижении инфляции декабрь-к-декабрю до 5,6% в 2025 г., среднегодовая инфляция сохранялась на повышенном уровне (8,7%), что указывает на инерционность ценовых процессов. Реальная ключевая ставка (рассчитанная как разность между номинальной ключевой ставкой и инфляцией дек. к дек.) достигла экстремальных значений: 2,5% в 2023 г., 8,0% в 2024 г. и 13,6% в 2025 г. [2]. Такая реальная доходность делает практически любой финансовый актив сверхпривлекательным по сравнению с инвестициями в производство.

2.3.2. Рентабельность производственного сектора

Для оценки доступности кредитных ресурсов необходимо сопоставить стоимость заимствований с фактической рентабельностью предприятий обрабатывающей промышленности. Согласно данным Росстата и прогнозным оценкам Минэкономразвития, средняя рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) по виду деятельности «Обрабатывающие производства» составляла (табл. 4):

Таблица 4 - Рентабельность обрабатывающих производств и стоимость кредитов, 2022–2025 гг.

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.41.4>

Год	Рентабельность обрабатывающих производств, %	Средняя ставка по кредитам, %	Разрыв (ставка по кредитам - рентабельность), %
2022	12,4	11,2	-1,2
2023	11,8	10,8	-1,0
2024	9,5	18,9	+9,4
2025	8,2	20,7	+12,5

Примечание: составлено автором по данным [2]

Как видно из таблицы, в 2022–2023 гг. средняя рентабельность обрабатывающих производств превышала стоимость кредитных ресурсов, что создавало условия для расширенного воспроизводства и инвестиций. Начиная с 2024 г. ситуация кардинально изменилась: стоимость кредитов стала превышать рентабельность на 9–12 процентных пунктов. Это означает, что любое привлечение заемного финансирования для целей развития автоматически становится убыточным, уничтожая добавленную стоимость предприятий.

2.3.3. Эффект финансового рычага в условиях высоких ставок

Эффект финансового рычага (Financial Leverage Effect) характеризует приращение рентабельности собственного капитала за счет использования заемных средств. Классическая формула эффекта финансового рычага имеет вид [7]:

$$EFL = (ROA - i) \times D/E$$

где ROA — рентабельность активов;

i — ставка по заемным средствам;

D/E — соотношение заемного и собственного капитала.

При отрицательном значении дифференциала $(ROA - i) < 0$ использование заемного финансирования не только не повышает рентабельность собственного капитала, но и ведет к прямым убыткам для акционеров. В условиях 2024–2025 гг. дифференциал для большинства предприятий обрабатывающей промышленности стал отрицательным и достиг значений -8...-10 процентных пунктов.

Проиллюстрируем это на условном примере. Предприятие с рентабельностью активов 9,5% (средняя по отрасли в 2024 г.) и соотношением заемного и собственного капитала 0,5 при ставке кредитования 18,9% получает следующий эффект финансового рычага:

$$EFL = (0,095 - 0,189) \times 0,5 = -0,047$$

Таким образом, рентабельность собственного капитала снижается на 4,7 процентных пункта исключительно за счет использования заемного финансирования. В этих условиях единственным рациональным поведением для предприятий становится отказ от инвестиций и сокращение заемного финансирования до технического минимума.

Обсуждение

3.1. Влияние высоких кредитных ставок на инвестиционную активность и ВВП

3.1.1. Инвестиционная активность в производственном секторе

Динамика инвестиций в основной капитал является наиболее чувствительным индикатором реакции реального сектора на стоимость денег. Согласно данным Минэкономразвития, темпы роста инвестиций в основной капитал составили [9]:

Таблица 5 - Динамика инвестиций в основной капитал, 2022–2026 (прогноз) гг.

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.41.5>

Показатель	2022	2023	2024	2025	2026 (прогноз)
Инвестиции в основной капитал, % г/г	104,6	106,0	102,3	103,0	103,0

Примечание: составлено автором по данным [9]

Замедление инвестиционной активности в 2024 г. до 2,3% (после 6,0% в 2023 г.) напрямую коррелирует с ростом ключевой ставки (табл. 5). При этом важно отметить структурные изменения: рост инвестиций поддерживался преимущественно за счет бюджетных средств, направляемых на инфраструктурные проекты и оборонно-промышленный комплекс, тогда как частные инвестиции в обрабатывающие производства демонстрировали отрицательную динамику.

3.1.2. Динамика ВВП и промышленного производства

Влияние жесткой денежно-кредитной политики на общую макроэкономическую динамику оценивается через динамику ВВП и промышленного производства [2], [9]:

Таблица 6 - Динамика ВВП и промышленного производства, 2022–2026 гг.

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.41.6>

Показатель	2022	2023	2024	2025	2026 (прогноз)
ВВП, % г/г	-1,4	4,1	4,3	0,9	1,1
Промышленное производство, % г/г	0,6	3,6	2,6	2,2	2,3

Примечание: составлено автором по данным [2], [9]

Обращает на себя внимание резкое замедление роста ВВП в 2025 г. до 0,9% после 4,3% в 2024 г. (табл.6). При сохранении высокой инфляции и двузначных ставок это замедление будет усугубляться. По прогнозам Института экономики РАН, снижение объемов производства товаров и услуг в промышленности может составить 0,9% в 2026 г. с последующим восстановлением лишь в 2027 г. [4].

Особенно тревожная ситуация складывается в обрабатывающих производствах, ориентированных на потребительский рынок. Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов сократилось на 44,7% в 2022 г., и ожидается дальнейшее снижение на 24,8% в 2026 г. и 13,7% в 2027 г. [4]. Это прямое следствие сжатия потребительского спроса под влиянием высоких ставок по кредитам.

3.2. Бюджетная политика и рынок ОФЗ как фактор абсорбирования ликвидности

3.2.1. Динамика бюджетного дефицита

Политика высоких процентных ставок имеет еще один важный аспект — влияние на стоимость обслуживания государственного долга. Динамика баланса консолидированного бюджета (% ВВП) представлена в макроэкономическом опросе Банка России [2] (табл. 7):

Таблица 7 - Баланс консолидированного бюджета РФ, 2022–2026 гг.

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.41.7>

Показатель	2022	2023	2024	2025	2026 (прогноз)
Баланс консолидированного бюджета, % ВВП	-1,4	-2,3	-1,6	-2,9	-2,5

Примечание: составлено автором по данным [2]

Дефицит бюджета 2025 г. (2,9% ВВП) является максимальным за последние годы и требует активных заимствований на внутреннем рынке. Министерство финансов РФ размещает облигации федерального займа (ОФЗ), предлагая инвесторам доходность, привязанную к ключевой ставке. При текущем уровне ставок доходность ОФЗ становится сверхпривлекательной для банков и институциональных инвесторов, что создает эффект «вытеснения» (crowding out): банкам становится выгоднее кредитовать правительство, чем реальный сектор.

3.2.2. Динамика депозитного рынка физических и юридических лиц

Политика высоких ставок привела к фундаментальной трансформации депозитного рынка. Анализ тенденций развития депозитных операций коммерческих банков показывает следующие ключевые изменения [5]:

Таблица 8 - Динамика депозитного рынка РФ, 2022–2025 гг.

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.41.8>

Показатель	2022	2023	2024	2025
Депозиты физических лиц, трлн руб.	37,2	43,8	57,5	65,8
Депозиты юридических лиц, трлн руб.	42,1	48,3	55,6	61,3
Доля срочных депозитов физических лиц 31 день-1 год, %	42,3	46,1	52,4	54,6
Доля валютных депозитов юридических лиц, %	32,5	24,8	19,2	17,4
Доля валютных депозитов физических лиц, %	12,3	9,6	7,8	6,8

Примечание: составлено автором по данным [5]

Ключевые выводы из анализа депозитного рынка:

1. Взрывной рост вкладов населения — портфель депозитов физических лиц вырос с 37,2 трлн руб. в 2022 г. до 65,8 трлн руб. в 2025 г. (+77%), что отражает переток средств из потребления и инвестиций в сбережения (табл. 8).

2. Укорочение срочной структуры депозитов — доля вкладов сроком до 1 года выросла до 54,6%, тогда как долгосрочные депозиты сокращаются. Это создает дефицит «длинных денег» для инвестиционного кредитования.

3. Рост средств на расчетных счетах юридических лиц — предприятия вынуждены держать повышенные остатки для поддержания ликвидности в условиях дорогого кредита.

Таким образом, механизм высоких ставок запустил порочный круг: население и бизнес переориентировались на сбережение, банки направляют привлеченные средства в ОФЗ и операции на денежном рынке, реальный сектор лишается инвестиционных ресурсов.

3.3. Оценка эффективности инвестирования и эффект финансового рычага

3.3.1. Количественная оценка разрыва

Для формализации вывода о недоступности кредитных ресурсов проведем количественное сопоставление стоимости капитала и доходности производственных инвестиций. Используем следующие показатели:

- средняя ставка по кредитам нефинансовым организациям (R);
- средняя рентабельность активов обрабатывающих производств (ROA);
- средняя рентабельность инвестиционного проекта в обрабатывающей промышленности (IRR).

Таблица 9 - Сопоставление стоимости капитала и доходности инвестиций, 2025 г.

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.41.9>

Показатель	Значение, %
Средняя ставка по кредитам (R)	20,7
Средняя ROA обрабатывающих производств	8,2
Средняя IRR инвестиционных проектов в обрабатывающей промышленности	12-15
Превышение стоимости кредита над IRR	+5,7...+8,7 п.п.

Примечание: по собственным расчетам автора

Полученные значения означают, что даже проекты с высокой доходностью (на уровне 15%), отбираемые по самым строгим критериям, становятся убыточными при финансировании за счет заемного капитала (табл. 9). Это прямая причина «инвестиционного голода» в производственном секторе.

3.3.2. Макроэкономические последствия

Системные последствия описанного разрыва включают:

1. Деграция производственного потенциала. Невозможность обновления основных фондов ведет к ускоренному старению оборудования, потере технологической конкурентоспособности.
2. Переток капитала в финансовый сектор. Сверхдоходность финансовых операций (депозиты, ОФЗ, операции на денежном рынке) абсорбирует капитал, который мог бы быть направлен в реальные инвестиции.
3. Рост долговой нагрузки. Предприятия, вынужденные поддерживать оборотный капитал за счет кредитов, попадают в «долговую ловушку», когда новые заимствования требуются для обслуживания старых.
4. Сжатие потребительского спроса. Высокие ставки по потребительским кредитам и ипотеке сокращают платежеспособный спрос, что через мультипликативный эффект снижает загрузку производственных мощностей.

Выводы и рекомендации

Проведенный анализ позволяет сформулировать системные недостатки проводимой Банком России денежно-кредитной политики:

1. Игнорирование структурных особенностей российской экономики. Монетарные методы борьбы с инфляцией эффективны в экономиках с развитой конкуренцией и эластичным предложением, но дают ограниченный результат при доминировании монополий и немонетарной природе инфляции.
2. Разрушение инвестиционного потенциала. Цена подавления инфляции оказалась запредельно высокой — фактическая остановка инвестиционного процесса в гражданских отраслях обрабатывающей промышленности.
3. Стимулирование финансовых спекуляций. Сверхвысокие ставки создают условия для извлечения ренты финансовым сектором без участия в трансформации сбережений в инвестиции.
4. Рост бюджетных расходов на обслуживание долга. Увеличение стоимости заимствований для правительства означает перераспределение бюджетных средств от развития инфраструктуры и социальных программ к процентным платежам.

Для преодоления «крекинга» производственной сферы и восстановления инвестиционной активности предлагается следующий комплекс мер.

В области денежно-кредитной политики:

1. Снижение ключевой ставки до уровня не выше 8–10% в среднесрочной перспективе, что соответствует медианной оценке нейтральной ключевой ставки [2].
2. Внедрение механизмов целевого рефинансирования банков под кредиты приоритетным отраслям промышленности (по аналогии с инструментами Банка Японии и Народного банка Китая).

3. Развитие инструментов «длинного» фондирования инвестиционных проектов через механизм проектного финансирования с участием институтов развития.

В области бюджетной политики:

1. Переориентация бюджетных расходов с краткосрочной поддержки спроса на долгосрочные инвестиции в инфраструктуру и человеческий капитал.

2. Стимулирование долгосрочных сбережений населения через развитие индивидуальных инвестиционных счетов третьего типа, безотзывных сберегательных сертификатов с повышенным страховым покрытием [5].

3. Ограничение наращивания государственного долга в условиях высоких ставок для предотвращения эффекта вытеснения.

В области структурной политики:

1. Создание механизмов государственно-частного партнерства, разделяющих риски инвестиционных проектов между государством и частным капиталом.

2. Развитие фабрики проектного финансирования с субсидированием части процентной ставки для приоритетных инвестиционных проектов.

3. Стимулирование технологического перевооружения через ускоренную амортизацию и инвестиционный налоговый вычет.

При сохранении текущей жесткой денежно-кредитной политики, высоких ставках и продолжающемся «инвестиционном голоде» прогноз развития производственного сектора и ВВП представляется следующим.

Таблица 10 - Прогноз развития экономики РФ до 2028 г. (при сохранении жесткой ДКП)

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.41.10>

Показатель	2026	2027	2028
Ключевая ставка (средняя), %	14,1	10,4	9
Инфляция (ИПЦ дек. к дек.), %	5,5	4,3	4
ВВП, % г/г	0,8-1,0	1,0-1,2	1,3
Промышленное производство, % г/г	0,9-1,5	2,0	2,1
Инвестиции в основной капитал, % г/г	2,5	2,8	3,0
Рентабельность обрабатывающих производств, %	7,5	7,8	8,0

Примечание: прогноз автора на основе [2], [4], [9]

Как видно из прогноза (табл. 10), даже при постепенном снижении ставок темпы экономического роста останутся в диапазоне 0,8–1,3% в год, что значительно ниже потенциально возможных 3–4%. Промышленное производство будет расти темпами, недостаточными для технологического обновления и достижения целевых показателей импортозамещения.

При негативном сценарии (рост бюджетного дефицита, усиление санкционного давления, вторичные эффекты высоких ставок в виде волны банкротств) возможна стагнация промышленного производства с отдельными периодами спада. Особенно уязвимыми являются отрасли, ориентированные на потребительский спрос и не имеющие доступа к бюджетным средствам и госзаказу.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в российской экономике сложился феномен «крекинга» производственной сферы — системного разрыва между финансовым и реальным секторами, при котором механизм процентных ставок вместо стимулирования инвестиций провоцирует деградацию производственного потенциала.

Ключевая проблема заключается не в самой по себе высокой инфляции, а в методах ее подавления, игнорирующих структурные особенности российской экономики и потребности реального сектора в доступном финансировании. Банк России, формально выполняя мандат по достижению целевой инфляции, фактически провоцирует долгосрочные негативные последствия в виде остановки инвестиционного процесса, устаревания основных фондов и потери конкурентоспособности обрабатывающих производств.

Выход из сложившейся ситуации видится в смене парадигмы денежно-кредитной политики — переходе от монетарного таргетирования к политике, учитывающей структурные факторы инфляции и потребности реального сектора в «длинных» и доступных кредитных ресурсах. Без этого «крекинг» производственной сферы будет углубляться, а экономика рискует попасть в ловушку стагфляции, где высокие ставки не останавливают инфляцию, но гарантированно останавливают рост.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Минин Д.Л., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.41.11>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Minin D.L., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.41.11>

Список литературы / References

1. Кредитный портфель бизнеса Ростовской области вырос за год почти на 12% // Ведомости Юг. — 2026. — 27 февраля. — URL: <https://south.vedomosti.ru> (дата обращения: 01.03.2026).
2. Макроэкономический опрос Банка России. — Москва: Банк России, февраль 2026. — URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/ (дата обращения: 01.03.2026).
3. Russia Chemical Industry Outlook 2022–2026 // Report Linker. — 2026. — URL: <https://www.reportlinker.com> (accessed: 01.03.2026).
4. Френкель А.А. Экономика России в 2022–2026 годах: результаты, тенденции, прогнозы / А.А. Френкель, Б.И. Тихомиров, А.А. Сурков // Вопросы статистики. — 2023. — № 4. — С. 23–41.
5. Рабаданова Дж.А. Тенденции развития депозитных операций коммерческих банков / Дж.А. Рабаданова // Journal of Monetary Economics and Management. — 2025. — № 4. — С. 45–62.
6. Цены, инфляция // Федеральная служба государственной статистики. — 2026. — URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 01.03.2026).
7. Зубарева О.А. Анализ точки безубыточности и силы операционного рычага организации / О.А. Зубарева, З.В. Удалова // Управленческий учет. — 2021. — № 12-1. — С. 69–74.
8. «Центробанк под давлением»: как в России менялась ключевая ставка // URA.RU. — 2026. — 13 февраля. — URL: <https://ura.news/news/1053049899> (дата обращения: 01.03.2026).
9. Основные макроэкономические параметры среднесрочного прогноза социально-экономического развития Российской Федерации до 2026 года (Базовый вариант) // КонсультантПлюс. — 2025. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.03.2026).
10. Russia Consumer Price Index (CPI): Prev Month=100: Monoblock // CEIC Data. — 2026. — URL: <https://www.ceicdata.com> (accessed: 01.03.2026).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kreditnyj portfel' biznesa Rostovskoj oblasti vyros za god pochni na 12% [The loan portfolio of businesses in the Rostov region grew by almost 12% over the year] // Vedomosti Jug. — 2026. — 27 February. — URL: <https://south.vedomosti.ru> (accessed: 01.03.2026). [in Russian]
2. Makroekonomicheskij opros Banka Rossii [Macroeconomic survey of the Bank of Russia]. — Moscow: Bank Rossii, February 2026. — URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/ (accessed: 01.03.2026). [in Russian]
3. Russia Chemical Industry Outlook 2022–2026 // Report Linker. — 2026. — URL: <https://www.reportlinker.com> (accessed: 01.03.2026).
4. Frenkel' A.A. Jekonomika Rossii v 2022–2026 godah: rezul'taty, tendencii, prognozy [The Russian economy in 2022–2026: results, trends, forecasts] / A.A. Frenkel', B.I. Tihomirov, A.A. Surkov // Voprosy statistiki [Questions of Statistics]. — 2023. — № 4. — P. 23–41. [in Russian]
5. Rabadanova Dzh.A. Tendencii razvitiya depozitnyh operacij kommercheskih bankov [Trends in the development of deposit operations of commercial banks] / Dzh.A. Rabadanova // Journal of Monetary Economics and Management. — 2025. — № 4. — P. 45–62. [in Russian]
6. Ceny, infljacija [Prices, inflation] // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics Service]. — 2026. — URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (accessed: 01.03.2026). [in Russian]
7. Zubareva O.A. Analiz tochki bezubytochnosti i sily operacionnogo rychaga organizacii [Analysis of the break-even point and operating leverage of an organization] / O.A. Zubareva, Z.V. Udalova // Upravlencheskij uchët [Management Accounting]. — 2021. — № 12-1. — P. 69–74. [in Russian]
8. «Centrobank pod davleniem»: kak v Rossii menjalas' kljuhevaja stavka [“The Central Bank under pressure”: how the key rate changed in Russia] // URA.RU. — 2026. — 13 February. — URL: <https://ura.news/news/1053049899> (accessed: 01.03.2026). [in Russian]
9. Osnovnye makroekonomicheskie parametry srednesrochnogo prognoza social'no-jekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii do 2026 goda (Bazovyj variant) [Main macroeconomic parameters of the medium-term forecast of socio-economic development of the Russian Federation until 2026 (Basic scenario)] // ConsutantPlus. — 2025. — URL: <https://www.consultant.ru> (accessed: 01.03.2026). [in Russian]
10. Russia Consumer Price Index (CPI): Prev Month=100: Monoblock // CEIC Data. — 2026. — URL: <https://www.ceicdata.com> (accessed: 01.03.2026).